

УНИВЕРСИТЕТ
КОСЫГИНА

СЛОВО. ТЕКСТ. ИСТОЧНИК

**МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

ВЫПУСК 4

2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)**

Институт славянской культуры

**Международная ассоциация преподавателей русского языка и
литературы (МАПРЯЛ)**

**Российская ассоциация преподавателей русского языка и литературы
(РОПРЯЛ)**

IV Международная научная конференция

СЛОВО. ТЕКСТ. ИСТОЧНИК

МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

22-23 марта 2024 г.

ВЫПУСК 4

Москва

2024

УДК 80/82

ББК 80/84

С 54

Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы IV Международной научной конференции. 22-23 марта 2024 г. Выпуск 4. – М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2024. 308 с.

В сборнике материалов IV Международной научной конференции представлены статьи отечественных и зарубежных исследователей. В них обозначены основные тенденции развития современной гуманитарной науки: антропоцентричность, междисциплинарный подход к описанию научных фактов, функциональный подход в исследовании, ориентированность на текстовый анализ. Этот факт свидетельствует о дискурсивном подходе к источникам как семиотически значимым феноменам. Методология представлена разными видами анализа – сравнительно-историческим, структурным, этнокультурным, концептуальным, психолингвосемантическим, когнитивным. Междисциплинарный подход расширил «терминологический оборот» гуманитарных наук.

Редколлегия:

первый проректор – проректор по образовательной деятельности,
доктор экономических наук, профессор **С. Г. Дембицкий**

директор Института славянской культуры, кандидат исторических наук, доцент
М. В. Юдин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания

Л. В. Рацибурская

Белградский университет (Сербия)

Филологический факультет

доктор филологических наук, профессор **Л. Байич**

Московский государственный психолого-педагогический университет

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингводидактики и
межкультурной коммуникации

И. В. Дергачева

Ответственные редакторы:

доктор филологических наук, доцент **И. В. Бугаева**

кандидат филологических наук, доцент **С. Н. Переволочанская**

ISBN 978-5-00181-538-9

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2024

© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

<i>Жиленко М. Н.</i> (Москва, Россия) Социально-культурная антропология и культурология: тенденции развития знания о человеке и культуре.....	5
<i>Никольская Т. Е.</i> (Москва, Россия) Аксиологическая сторона профессиональной картины мира филолога: источники формирования, компоненты, структура. Памяти профессора А. И. Горшкова.....	23
<i>Переволочанская С. Н.</i> (Москва, Россия) Субъективность научного дискурса: когнитивный подход к смысловому анализу терминосистем.....	39
<i>Бајић Љильана, Станковић Шошо Наташа</i> (Београд, Србија) «Лош дан» Владимира Набокова у наставној обради («Обида» Владимира Набокова в преподаванију литературе).....	51
<i>Бугаева И. В.</i> (Москва, Россия) Трансформация понятия «грех» по данным ассоциативного эксперимента.....	69
<i>Аверьянов К. А.</i> (Москва, Россия) О значении термина «слуги вольные».....	79
<i>Афонин Г. А.</i> (Алматы, Казахстан) Современные эпитафии на Центральном кладбище Алма-Аты как источник и документ: опыт систематизации и анализа.....	91
<i>Федюкина Е. В.</i> (Москва, Россия) К вопросу об имагологическом подходе в обучении филологов-славистов.....	113
<i>Шапкина О. Н.</i> (Москва, Россия) Образ неба в польской и русской языковых картинах мира	123
<i>Таунсенд К. И., Го Цзинхань</i> (Москва, Россия; Китай) Этнокультурный аспект языка переводческих предисловий.....	132
<i>Семенова А. А.</i> (Москва, Россия) Когнитивный и философский аспекты исследования волитивного компонента концептуальной картины мира личности.....	146
<i>Байбикова Р. Э., Клепикова Т. А.</i> (Казань, Санкт-Петербург, Россия) Интоксикация социальных интеракций: лингвосимптоматика	156
<i>Манойлович Н.</i> (Москва, Россия; Сербия) Изучение иностранных языков и искусственный интеллект: вызовы и перспективы.....	166
<i>Солянкин А. В.</i> Искусственный интеллект в образовании.....	174

МНОГОСЛОЙНЫЙ ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

<i>Склизкова Е. В.</i> (Москва, Россия) Проблема многослойности пространства фэнтезийного текста	181
<i>Новожилков Д. М.</i> (Москва, Россия) Немецкая народная книга о Фаусте как один из источников романа Т. Манна «Доктор Фаустус».....	196
<i>Завельская Д. А.</i> (Москва, Россия) Жанр баллады в творчестве С. Я. Маршака для детей	206
<i>Хлупина М. А.</i> (Москва, Россия) Гапакс С. Д. Довлатова «повапленный гроб».....	220
<i>Дударева М. А.</i> (Москва, Россия) Софийный лик России в поэтике А. Блока: апофатика образа.....	224
<i>Лагутова А. С.</i> (Москва, Россия) Классификация агносем в акафисте святой блаженной Матроне Московской.....	233
<i>Троцинская-Степушина Т. Е.</i> (Минск, Беларусь) Номинация как способ создания художественного образа.....	245
<i>Соколова М. Г.</i> (Тольятти, Россия) Система образов сравнения компаративных тропов с дендронимом «вяз» в русских поэтических текстах XIX–XXI веков.....	257
<i>Дегтярева А. Н.</i> (Москва, Россия) Поэзия Ф. И. Тютчева как динамический продукт дискурса.....	271
<i>Михайлова М. Е.</i> (Москва, Россия) Лингвокогнитивные механизмы описания художественного дискурса И. Бунина.....	287
<i>Елизарова Н. М.</i> (Москва, Россия) «Доблесть» без мужества и «мужество» без доблести: семантические трансформации в рассказах К. Г. Паустовского.....	295
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	305

УДК 82-193.6

**СОВРЕМЕННЫЕ ЭПИТАФИИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КЛАДБИЩЕ
АЛМА-АТЫ КАК ИСТОЧНИК И ДОКУМЕНТ: ОПЫТ
СИСТЕМАТИЗАЦИИ И АНАЛИЗА**

Афонин Г. А.

*Казахский национальный медицинский университет имени С. Д. Асфендиярова
Алматы, Республика Казахстан*

Аннотация. «Гражданская» эпитафия советского периода остается наименее изученным объектом в корпусе эпиграфического наследия. Надгробные надписи, хронологически относящиеся к советской эпохе, характеризуются широким разнообразием формы и содержания и семантически, и стилистически варьируют от образцов, созданных в античности до фразеологических выражений и текстов, возникших в условиях секуляризации траурной гражданской обрядности. Формально-стилистический и содержательный анализ эпитафий на Центральном кладбище Алма-Аты позволил выделить признаки для их систематизации в связи с хронологией захоронений.

Ключевые слова: эпитафия, надгробная надпись, эпиграфика, захоронение, Центральное кладбище, Алма-Ата.

**MODERN EPITAPHS AT THE CENTRAL CEMETERY OF ALMA-ATA
AS A SOURCE AND DOCUMENT: EXPERIENCE OF
SYSTEMATIZATION AND ANALYSIS**

Afonin G. A.

*Asfendiyarov Kazakh National Medical University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Abstract. The “civilian” epitaph of the Soviet period remains the least studied object in the corpus of epigraphic heritage. Tombstone inscriptions, chronologically related to the Soviet era, are characterized by a wide variety of form and content and vary semantically and stylistically from examples created in antiquity to phraseological expressions and texts that arose in the context of the secularization of mourning civil rituals. Formal-stylistic and content analysis of epitaphs at the Central Cemetery of Almaty made it possible to identify features for their systematization in connection with the chronology of burials.

Keywords: epitaph, gravestone inscription, epigraphy, burial, Central Cemetery, Alma-Ata.

Независимо от религиозной или светской системы воззрений общества смерть человека «инициирует возникновение танатологического дискурса и создание в дальнейшем текста эпитафии» [1: 125]. Комплексное изучение надгробных надписей открывает, наряду с документальными, и другие «нетрадиционные» исторические источники сведений о культуре, национальном самосознании, традициях и религиозных верованиях народа. Отражая важнейшие вопросы жизни и смерти, «<...> они дают возможность проследить их истолкование в народном сознании на бытовом, повседневном уровне» [1: 126]. Помимо лингвокультурологической значимости, эти специфические тексты «существенно расширяют наши представления о современной бытовой культуре» [2: 247], что позволяет признать за эпитафиями статус памятников культурного наследия, нуждающихся в изучении, публикации и сохранении как важной части всего комплекса исторического некрополя [3: 109]. Для формально-стилистического и компонентного анализа эпитафий советского периода, которым посвящена настоящая работа, необходимо осмысление динамики характерных признаков жанра и социальных функций, связанных с процессами трансляции индивидуальной и коллективной исторической памяти.

В научной практике принято деление эпитафий на литературные и так называемые «реальные» или кладбищенские. Первые надгробные надписи, по мнению исследователей, представляли собой обозначение имени умершего, которое подставлялось в воспроизводимые общеизвестные эпитафические формулы при воздаянии памяти [4: 123-124]. Т. С. Царькова, обобщив результаты исследования надписей XVIII–XX вв. и на материале

русской стихотворной эпитафии XIX–XX вв. в качестве жанровых признаков выделила лаконичность (первоначально надпись была ограничена размером надгробной плиты), существенную ограниченность содержательного уровня («тема» эпитафий одна – итог жизни, выражаемый, однако, весьма вариативно), особую повествовательную форму (речевое обращение к умершему, его близким, читателю эпитафии), установку на эпиграфичность [5]. Позже данные признаки были дополнены «простотой и ясностью содержания», «искусственностью» (панегирический характер поэтических эпитафий), «подлинностью» (за кладбищенской эпитафией обязательно стоит реальное событие) [6: 457].

Не определенная однозначно жанровая специфика современных эпитафий обусловлена их «двойственной природой», т. е. принадлежностью к литературной и внелитературной реальности. С. И. Николаев, исследовавший вопрос разграничения «реальных» и литературных эпитафий, отметил, что «если в обоих типах соблюдены все формальные признаки, то отнести какую-либо надпись к реальной или литературной можно только за счет внетекстовых данных», важнейшим из которых является «событийная матрица» текста – литературное произведение или надпись на надгробии [7: 49]. Еще одним вопросом, имеющим непосредственное отношение к рассматриваемому материалу, является соотношение понятий «надпись» и «эпитафия». Т. С. Царькова в вышеупомянутом труде определяет эпитафию как «всю надпись, воспроизведенную на памятнике», при этом для своего литературоведческого исследования выделяет только ее стихотворную часть как лирический жанр, обращаясь к формулярной части лишь как к источнику дополнительных сведений об адресате [5: 13]. А. В. Ложкова, опираясь на исследования Н. В. Брагинской (надписи-имена) [4: 123-124] и Э. Б. Арутюнян (редкие примеры текстов на надгробиях, не предназначенных для чтения) [8: 143] приходит к выводу о близости, но не тождественности понятий «надгробная надпись» и «эпитафия». Не всякая надгробная надпись является эпитафией, но всякая эпитафия – обязательно надпись [9: 59].

Кроме теоретических вопросов, обсуждение которых продолжается, имеются аспекты практического характера – изучение данной проблемы на региональном уровне и языковом материале региона, выбор хронологических рамок и воссоздание исторического контекста, в котором проходило создание эпитафий. Следует отметить существенную диспропорцию в общем объеме исследований эпиграфического материала в зависимости от временных рамок: большинство русскоязычных публикаций посвящено эпитафиям античности, Средневековья, Нового времени, тогда как исследования эпитафий советского периода представлены единичными работами. Такую ситуацию сами авторы объясняют «разными обстоятельствами и причинами лингвокультурного, этносоциального планов, индивидуальными предпочтениями исследователей» [10: 63]. Очевидно, что отсутствие запроса науки и практики на исследования на региональном языковом и историческом материале не стимулирует появление новых работ в данной области. В то же время есть примеры интересных исследований, проводимых региональными научными центрами в Российской Федерации в Республиках Башкортостан [11], Татарстан [12], Дагестан [13, 14] и в Крыму [15].

«Реальная» или кладбищенская эпитафия помимо репрезентации темы жизни и смерти, фиксации и трансляции исторической памяти, будучи включённой в мир предметно-фиксированных вещей и явлений, тесно связана с практиками траурной гражданской обрядности. То, что кладбище являлось и является особым местом в коммуникативном пространстве участников ритуального процесса [10: 63], предполагает социальную детерминированность речевого поведения и танатологического дискурса эпитафий [1: 125]. Еще в начале XX в. существенное влияние на практику погребения и траурную обрядность начало оказывать государство, тогда сформировался так называемый «обряд гражданских похорон», который существовал «в двух вариантах»: полный отход от церковных норм и правил и сочетание церковного и гражданского ритуалов [16: 48]. Декретом Совета

Народных Комиссаров РСФСР от 7 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах» церковь была лишена монополии на погребение, уничтожена разрядность похорон и мест захоронений и санкционирована кремация. В декрете значилось: «Для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны. Деление на разряды как мест погребения, так и похорон уничтожается». Было покончено с сословными привилегиями в погребении, отменена оплата мест на кладбищах [17]. Декреты советской власти об отделении церкви от государства, о свободе вероисповедания, превратили кладбище из религиозного учреждения в гражданское.

В настоящее время в распоряжении исследователей нет реального эпиграфического материала дореволюционного периода, поскольку все «старые» кладбища города Верного (с 1867 г. по 1921 г. город Алма-Ата назывался городом Верным) ликвидированы, сведения о них (история, топография, персональный состав) отсутствуют в коллективной социально-исторической памяти города. Последнее по хронологии дореволюционное кладбище, так называемое «Новое православное» основанное в 1881 г., было национализировано предположительно в 1918 или в начале 1919 г. Так, 1 октября 1918 г. Верненский уездный исполком под председательством П. М. Виноградова пунктом 4 своего Постановления определил перевод «богадельни» в ведение Серафимо-Иверского женского монастыря (монастырь соседствовал с кладбищем, на насельницах монастыря лежала обязанность «призрения за могилами») с целью приема и организации ухода за инвалидами и неимущими [18]. Вскоре Джетысуйским Губернским исполкомом Советов города Верного в срочном порядке вносится постановление: «<...> кладбище, как народное достояние, немедленно отобрать из ведения монастыря и доход с него обратить на народные нужды» [19].

Официальной датой открытия Центрального кладбища является 10 апреля 1932 г., когда протоколом № 69 заседания Президиума Алма-Атинского городского Совета было утверждено ходатайство городского

коммуналдела об открытии новых кладбищ – «христианского» и «магометанского» (мусульманского) с северной и южной сторон Ташкентского тракта, западнее последнего верненского («Нового православного») кладбища [20]. Решение об открытии нового кладбища в 1932 г. имело (кроме причины полного исчерпания территории «Нового православного») и социально-политический контекст – оно планировалось как кладбище «нового типа», административно и хозяйственно не зависящее от церкви, внеконфессиональное, и территориально отделенное от «Новое православного», которое соседствовало с женским Иверско-Серафимовским монастырем (закрыт в 1919 г.), на котором находилась Всехсвятская церковь (прекратила существование в 1929 г.) и были похоронены множество горожан и станичников, живших (и служивших) в Верном во время империи. Такие способы создания новых мест коллективной памяти оказались универсальными и для других регионов Российской Федерации, в которую в то время входила Казахская АССР [21: 104].

Вслед за политическими и социальными преобразованиями в похоронной сфере и траурной гражданской обрядности, началось изменение типов массового надгробия и характера эпитафий: на смену православному кресту, как преобладающему типу надгробия, в начале 1930-х гг. пришли религиозно-нейтральные стелы из гранита и обелиски («пирамидки») из дерева, металла и камня. В конце 1930-х гг. производством был освоен выпуск типовых памятников из природного камня и бетона, что было связано со стабилизацией деятельности похоронной отрасли, отвечавшей на запросы населения [22]. Соответственно новым общественным установкам в отношении практики увековечивания памяти, а также с учетом формы, размеров и материала памятника, принимала новые формы и содержание эпитафия. При этом, в зависимости от положения надписи и типа памятника, менялась и динамика функций надгробной надписи: преобладали информативная (фиксация определенной информации о свершившемся факте) и мемориальная (закрепление памяти о лице и событии вне

зависимости от его значимости). Прокламативная (репрезентационная), назидательная и декоративная функции в первые годы существования некрополя Центрального кладбища были не характерны и проявились позже, в 1950-1960-х гг. При этом для эпитафий первых десятилетий советской эпохи (1918-1938 гг.), как и для более поздних надписей, при относительном единообразии и нерасчлененности их функций, оказывается весьма характерной их формульность, которая и выступает первичным признаком их типологизации. По определению формульность складывается из соотношения определенных информативных единиц, составляющих так называемый «формуляр», который «организует структуру текста и его смысловые поля» [23].

Такие надписи найдены на единичных сохранившихся памятниках 1930-х гг. на исторической территории некрополя (историческая территория Центрального кладбища соответствует его территории в границах 1932 г., севернее зенковской аллеи начинается «новое кладбище», открытое после реконструкции 1939 г., однако этот топоним упоминается лишь в документах 1938–1939-х гг., и в строгом смысле не точен, поскольку вновь отведенный участок составляет с историческим единое целое). Они содержат, как правило, только информацию о профессии или социальном статусе умершего и могут быть отнесены к группе так называемых «некрологических» эпитафий. Примерами являются надписи на памятниках Г. Т. Кислова (1935 г. – здесь и далее в круглых скобках указан год смерти) – «Первый председатель городского революционного комитета города Верного», С. А. Идзиковского (1935) – «Земской врач», В. А. Фадеева (1935) – «Инженер Владимир Андреевич Фадеев / скончался 16 января 1935 г.», Т. С. Лебединской (1938) – «Непартийному большевику – организатору охраны материнства и младенчества в Казахстане врачу Татьяне Сергеевне Лебединской от коллектива сотрудников Наркомздрава», З. С. Бунятына (1938) – «Доктор / Завен Суренович Бунятын / родился 5/X 1910 г. умер <...> 1938 г.», Г. М. Малахова (1939) – «На память стахановцу / Малахову

Георгию Михайловичу / от коллектива механизир. хлебозавода №1. / рожд. 1897 г. / Умер 1939 14 XII» (здесь и далее эпитафии приводятся в соответствии с надписями на памятниках). Интересна эпитафия 1938 г. – «Память Алексея Дмитриевича Филина / г.р. 1920 / Погиб при учебном полете на планере 7 августа 1938 г.». В глубине участка, восточнее центральной аллеи, на невысокой гранитной стеле сохранилась надпись – «Здесь будет памятник / Айтакын Туркебаев / 1900-1937 / С 1920 – руководитель парторганизации трех уездов Семиречья». Памятник, о котором говорится в эпитафии Туркебаеву, трагически погибшему от рук бандитов, партийному и государственному деятелю, яркому представителю первого поколения казахов-коммунистов, так и не был установлен.

Начиная с 1930-х гг. в эпитафиях отмечается тенденция к введению в надпись дополнительных «информативных единиц», адресованности, что привело к расширению ее смыслового поля: появляются указания на обстоятельства смерти, родственные связи и краткие характеристики умершего. Формально такие надписи относятся к группе «некрологических» – «Сергей Григорьевич Мисюрин род.<ился> 1917 ск.<ончался> 1937 / Погиб от руки злодея», «Баталов Михаил Павлович / ум.<ер> 5.I.1936. Труд был его жизнью», «Здесь покоится незабвенная дочь Юля Чернова, безвременно погибшая / от родителей» (1935), «Галай Даниил Иванович / 1905-1935 30/VII / от жены и сына дорогому мужу и папе / и от колл.<ектива> пох.<оронного> бюро любимому администратору и хозяйственнику», «Здесь покоится ветврач Иван Дм. Лунгин / 1900 – 5/VI 1938 / Память от жены и детей». Появляется тенденция к письменной мемориализации события (смерти, гибели) или явления (утраты, горя) и превращению захоронения в «место памяти».

Практика создания «некрологических» эпитафий продолжалась и в последующие десятилетия. Собственно, в таких надписях отсутствует адресованность как текстообразующая категория (надписи неявно адресованы любому читающему их) и содержание ограничено только

краткой информацией о похороненном. На исторической территории это эпитафии Клейнбока Я. И. (1961) – «Член-корр. АН Каз.<ахской> ССР / академик Казахской Академии с/х наук / заслуженный деятель науки», Зайцева Г. П. (1965) – «Участник штурма Зимнего», Горшкова М. И. (1969) – «Ветеран Коммунистической партии / Советского Союза / год вступления 1918», Капустина О. А. (1972) – «Студент 2 курса музыкального училища / им. Чайковского», Балфанбаевой Г. Т. (1973) – «Первая казашка-инженер», Василенко С. А. (1992) – «Погиб прожив 27 лет / Был в числе лучших легкоатлетов СССР». Эпитафия Артюх В. Ю. (1962) – «Убит бандитом в период подготовки / к защите диплома гидрогеолога», детализирующая время и обстоятельства смерти, дополняется посвящением «от папы, мамы, сестер, жены и сына», передающем особые эмоционально-оценочные коннотации. Сходная надпись находится на надгробии Паламарчука В. П. (1971) – «Вечная память трагически погибшему мастеру спорта СССР. Дорогому сыну от папы, мамы и сестры». На памятнике доктора геолого-минералогических наук Сатпаевой М. К. (2007), дочери выдающегося ученого, академика АН СССР, Президента Академии наук, Каныша Имантаевича Сатпаева, краткая надпись: «Ученый-геолог» и латинское изречение *mente et malleo*, известное как девиз геологов всего мира.

Опыт Революции, Гражданской и Великой Отечественной войн дали новое миропонимание, новое отношение к смерти, формам и смыслу скорби, фиксируемой в надгробной надписи. Отразилось это и на мемориальной скульптуре: обелиски и стелы из гранита, являясь в формальном смысле наследием античности, получили новое истолкование сообразно эпохе, новую стилистику надгробия, несущего символы советского государства. Обелиск вошел в массовое производство как типовое надгробие из-за внешней скромности, даже аскетизма, что подчеркивало главную установку отношения советской действительности в отношении смерти [24: 211]. На смену интерпретациям литургических текстов и стереотипной идее принятия

«судьбы» в эпитафии даже рядовым гражданам пришли протест, патетика, искренность. Поэтому нельзя согласиться с утверждением того, что «эволюция реальных эпитафий очень ограничена... и ... форма и содержание эпитафий мало зависит от мировоззренческих перемен даже в такой области, как представления о смерти и загробной жизни» [25: 405]. Наиболее ярко это проявилось в надписях 1950-1960-х гг. с категорией адресованности, определяющей характер функционирования эпитафических текстов, которые условно могут быть объединены в группу «прокламативных» (это самая обширная и разнообразная группа эпитафий на Центральном кладбище). Адресатная и адресантная вариативность – типологический признак данной группы эпитафий, известный еще со времен античности: адресатом может быть: 1. погребенный, 2. его близкие, которые установили памятник и 3. любой человек, читающий данную надпись [8: 142].

Примерами надписей из первой подгруппы являются следующие: выдающемуся травматологу-ортопеду и организатору здравоохранения Фрумину И. О. (1945) – «Пусть твое негибимое мужество / всегда будет нам примером», подполковнику Назаренко А. С. (1962) – «Страшное горе принесла нам твоя безвременная смерть / Осталось вечное горе и слезы / Родной и любимый / жена и дочери», ректору Алма-Атинского института иностранных языков Мессерле Е. А. (1971) – «Ты для меня всегда живой», академику-почвоведу, заслуженному деятелю науки Боровскому В. М. (1984) – «Дорогая память о тебе / в сердцах родных / делах твоих / твоих учеников». На аллее, где похоронен выдающийся ученый, анатом и зоолог, академик Бронислав Домбровский, находится захоронение Хоменко Г. Г. (1958). Двухметровую гранитную герму завершает траурная урна из бетона. На лицевой части памятника мраморная доска с рельефом: «Все что было ценное в жизни здесь похоронено / Студент 5 курса КазГосСХИ погиб на сельхозработе / Рано, рано скошен колос золотой / Вечно будем плакать по тебе, родной / Вечно помнить будем звонкий голос твой / Спи спокойно наш любимый Герочка! / Смерть жестоко оборвала твою молодую жизнь / Мы

тебя никогда не забудем! / Ты ушел от нас, но вечно будешь жить в наших сердцах / Твои <...>. «Перекликаются» с этой эпитафией слова на надгробии молодого человека, и тоже студента сельхозинститута Киркача Ю. И. (1960). Наверху гермы установлена траурная урна, в которую вмонтирован застекленный фотопортрет. На лицевой части памятника мраморная доска с текстом: «Киркач Юрий Иванович / Студент 4 курса СХИ / Спи спокойно наш любимый Юрик / Смерть жестоко оборвала твою молодую жизнь / Ты к нам не вернешься, но мы к тебе придем / Твои <...>. Последняя надпись содержит реминисценции библейского текста из второй Книги Царств (глава 12, стих 23) – «А теперь оно умерло <...> Разве я могу возратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне».

В 1939 г. севернее и западнее исторической территории, на землях, отведенных для расширения Центрального кладбища, был открыт так называемый «мусульманский участок», так как отдельного места для захоронений мусульман в городе не было, а территория мусульманского кладбища, открытого в 1932 г. (расположенного южнее Центрального) проектом генерального плана была отведена под промышленную застройку [26; 27]. На этом участке похоронена, в частности, первая казахская советская пианистка и музыковед Г. А. Чумбалова. Недалеко от ее захоронения находим интересную эпитафию Мусину Б. (1955) – «Студент IV курса горного института / 1934–1955 / Наше вечное проклятие подлому убийце / отнявшему твою молодую цветущую жизнь».

В самом начале исторического некрополя сохранилось скромное надгробие ныне преданного забвению Рудольфа Павловича Маречек – ветерана КПСС, деятеля международного коммунистического движения. После установления советской власти в Семиречье Маречек 10 марта 1918 г. был избран первым председателем Президиума Верненской организации РСДРП (б), редактором первой областной советской газеты «Заря свободы», а 14 апреля 1918 г. – депутатом Верненского Горсовета рабочих и крестьянских депутатов. Не раз рискуя жизнью, Маречек выполнял

ответственные поручения партии и правительства по установлению советской власти в Казахстане и Киргизии. От жизни этого самоотверженного человека, преданного партии и народу, остались только строки на камне: «Дела твои бессмертны / в памяти прогрессивного человечества». Похожая история у выдающегося ученого, основателя математической школы Казахстана, академика К. П. Персидского, умершего 22 июня 1970 г. В 1965 г. скончалась его любимая жена Софья Алексеевна (Егорова), позже трагически погибли два сына. На надгробии жены ученый попросил сделать надпись: «Жди, дорогая, приду». Эти слова сохранились на скромном гранитном памятнике вдалеке от исторической территории, на участке рядом с проспектом Рыскулова. Такой же скромный памятник и у самого Константина Петровича, профессора Казанского и Томского университетов, математика с мировым именем. Подобную направленность имеют эпитафии заместителя наркома, министра внутренних дел Мусина А. Ф. (1957) – «Депутат Верховного Совета Казахской ССР <...> / Память о твоём светлом образе / человека большой души / навсегда сохраним в наших сердцах / От жены и детей» и Подгорного С. Г. (1966) – «Спи, солдат-офицер / Спи, честный боец / Коммунист, безвременно взятый кончиной».

Ко второй подгруппе можно условно отнести эпитафии, в которых адресантом является похороненный, в этом случае «его слова звучат в реальном времени, но являются характеристикой «нереальной ситуации» – погребенный обращается к живым уже после своей смерти» [8: 146]. К этой подгруппе относится наименьшее количество выявленных надписей (но они более разнообразны по содержанию, чем надписи первой подгруппы). На исторической территории это эпитафии Филатова Н. П. (1968) – «Живи так / чтобы когда ты умер / твоим близким стало скучно», Спасова С. Ю. (1978) – «Соплеменники, окажите честь / зачеркните «был», напишите «есть»!», Каманчукова Г. П. (1982) – «Стой прохожий / Не топчи мой прах / Я уже дома, а ты – в гостях», Калайчиди Г. С. (1994) – «Я уйду, чтобы жить вечно». А. Б. Арутюнян, рассматривая тексты, в которых адресантом

является погребенный (на примере древнеримской эпитафии), считает их полиадресантными, поскольку в ситуации также неявно присутствуют близкие погребенного, «те, кто устанавливал памятник <...> и составлял текст эпитафии» [8: 147]. Это и придает интерес анализу такого типа надписей, которые в силу их типичности несут информацию о психологии отдельного человека, микросоциальных групп (семей, трудовых коллективов) и народа, различных идеологических тенденциях и эволюции общественного сознания населения столицы советского Казахстана. «Пришедшие» в советскую эпоху из XIX в. и более раннего времени эпитафии перестали доминировать в силу своей архаичности, несоответствия духу времени (за которым стояли вполне реальные идеологические установки, особенно после 1961 г.). Атеистическая пропаганда во всех сферах, в том числе в сфере бытового обслуживания населения, актуализировалась к концу 1950-х – началу 1960-х гг. с объявлением курса на построение коммунистического общества. Вслед за Москвой, ЦК Компартии Казахстана в марте 1959 г. принял развернутое постановление «О мероприятиях по дальнейшему усилению научно-атеистической пропаганды в республике» [28: 282].

О «прокламативных» эпитафиях из третьей условной подгруппы (адресат – любой человек, читающий данную надпись) следует сказать, что не всегда надпись лексически и семантически организована однозначно адресованной «третьему лицу», «прохожему» (она может восприниматься и обращенной к умершему). А наличие в текстах одновременно с именем умершего упоминания его качеств и обозначение характера родственных связей с автором эпитафии (или лица, установившего памятник) приводит к усложнению субъектной организации текста [9: 61]. Приведем интересные примеры таких надписей, найденных на исторической территории Центрального кладбища. Коваленко В. С. (1967) – «Ты вслушайся, в земной кромешной глуби / стучат железные сердца, и не ржавеют / потому, что любят / От мамы, жены и сына». Буренин М. Г. (1987) – «Самолеты туда не

летают / поезда не приходят оттуда / никогда не случится чудо». Вайсер В. Ф. (1970) – «Мертв тот, кто забыт». Близки по смыслу эпитафии профессоров, членов-корреспондентов Академии наук – историка Дахшлейгера Г. Ф. (1983) – «Ушел от нас, но навсегда остался с нами» и ученого в области горного дела Бричкина А. В. – «Как много ты с собой унес, / но больше на земле осталось». Организатору разведки и добычи полезных ископаемых, профессору Лившицу Ф. И. (1969) – «Он человек был, человек во всем». Пилоту Павленко Г.И. (1965) – «Летчик – это концентрированная воля, характер, умение идти на риск / Лучше ярко гореть, но мало прожить / чем медленно тлеть и долго прожить / Трагически погиб при исполнении служебных обязанностей / В этих словах отражена его жизнь». Рядом находятся захоронения жертв другой авиакатастрофы 1965 г. – крушения самолета Ил-18 в аэропорту Алма-Аты, в результате которой погибли 64 человека. Среди них – члены экипажа бортрадист Сафонов Н. Н. и бортпроводники Порт С. В. и Кузьменных А. Я., на гранитных обелисках которых нанесены надписи «Погиб при исполнении служебных обязанностей», дополненные указаниями «От жены и детей», «От матери – единственно любимому», «От коллектива службы бортпроводников».

Надписи, относящиеся к данной подгруппе, встречаются и в виде поэтических текстов. Один из них найден на захоронении Порохова П. И. (1941) и Рулева Н. И. (1971) – «И стоит как будто в карауле / Над могилой вздыбленный гранит / Тише, люди! Здесь бойцы уснули / Он покой их бережно хранит». Другой – на памятнике профессору Бедельбаеву А. К. (1964) – «Здесь покоится доктор физико-математических наук Бедельбаев Абдеш Курмаевич / Кометой пронесся в вышине / Умом высоким поразив / Ты нас покинул, но о тебе / Мы вспоминаем, голову склонив». Отмечено, что, будучи извлечёнными из «кладбищенского контекста», многие [реальные] эпитафии «становятся неуместными, элементарно-наивными и содержательно беспомощными» [6], приобретая особый тонус лишь на надгробии. Однако следует понимать, что при рассмотрении надписей из

данной группы мы имеем дело не с образцами жанра литературной эпитафии, а с проявлением самостоятельной, в полном смысле слова, творческой мысли, результаты которой могут быть более или менее удачными. Примерами являются эпитафия гвардии старшему лейтенанту Иванову С. В. (1985) – «С цветами у звезд лейтенантских погон / Не в бой провожают, а тех, кто сражен». И трагическим погибшему Соловьеву В. Н. (1964), которую написал его отец, тоже художник, Соловьев Н. В. (член Союза художников СССР, акварелист, певец (баритон), поэт, участник Великой Отечественной войны) – «Поэт, художник, человек / Истерзан телом и душой / Устал, покинув мир навек / Он только здесь обрел покой». На памятнике Соловьеву-старшего (1969), по заказу его жены выполнена шаблонная надпись – «Ушел ты с чистою душой / Туда, откуда нет возврата / Безмерно тяжела утрата / Но сердцем я всегда с тобой», которая нередко встречается на некрополе Центрального кладбища.

К третьей условной группе мы отнесли эпитафии, являющиеся фрагментами известных литературных произведений. Она разнородна и характеризуется признаками как «некрологических», так и «прокламативных» эпитафий и полиадресованностью.

На центральной аллее находится захоронение выдающегося писателя и ученого современности, драматурга, литературоведа, Лауреата Ленинской и Государственной премий, академика Мухтара Омархановича Ауэзова, роман-эпопея которого «Путь Абая» признан достоянием мировой литературы. Большую часть жизни Ауэзов посвятил изучению и сохранению наследия великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева и стал основоположником новой области гуманитарного знания – абаеведения. Гранитная стела с горельефным портретом Ауэзова выполнена по модели Е. В. Вучетича, на передней плоскости тумбы в виде стилизованной скамьи из габбро приведены слова Абая – *«Бессмертные слова ты оставляешь миру / Так можно ли сказать: «Ты превратишься в тлен?»»* (перевод с казахского

Е. В. Курдакова; дословно – Подумайте, мертв ли он / Он не умер и оставил после себя свое слово!).

Конечно, ссылки (в виде цитат, аллюзий и реминисценций) на прецедентные тексты, создают больше возможностей для выражения категории информативности надгробных надписей. Но механизм узнавания и понимания интертекстуального включения «полностью зависит от эрудиции читателя, которая обогащает текст <...> новой информацией, открывая новые контекстуальные пространства» [29: 32]. Если же «узнавания» не происходит, то читатель воспринимает только «поверхностный слой» эпитафий. Для опыта систематизации и анализа важен и «спектр» первоисточников, послуживших материалом для цитирования. Особенно важно это при рассмотрении советских эпитафий на казахском языке, в формуляр которых включены цитаты и ссылки на богатейший материал казахского эпоса – песен, пословиц, сказаний, легенд, остающийся совершенно неизвестным для русскоязычного читателя.

Приведем примеры эпитафий, относящиеся к данной группе. Психологический эффект портретного сходства в классически решенном памятнике поэту Жумагали Саину (скульптор – народный художник Казахстана, заслуженный деятель искусств Х. И. Наурызбаев) усиливается эпитафией на надгробной плите. Это – стихи самого Саина – «Жизнь, я люблю тебя! / Ты – моих юных лет яркий, чудесный свет / Ты – зарница моя! / Нет, покинуть тебя больно и страшно нам / С ложа любимой сам, кто сойдет, не скорбя? / В сердце твоём – пожар, меда полны уста! / Жизнь – ты чудесный дар, ты – земли красота!» (перевод с казахского А. Б. Никольской). Памятник казахского народного акына, певца и композитора, феноменального наездника Исы Байзакова, умершего в расцвете лет (1946), выполнен по модели скульптора П. И. Шорохова. На боковой грани гермы строки – «Свободной силою парю / Жить буду долго, не умру», говорящие о посмертной судьбе поэта, действительно продолжающего жить в коллективном разуме и душе народа.

Литературные цитаты встречаются в единичных случаях, и не могут являться репрезентативным языковым материалом, однако важно учесть временной период их появления: цитаты из произведений Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Есенина, найденные на памятниках 1950-1980-х гг. не встречаются на надгробиях более позднего времени – явление, требующее своего объективного объяснения. На надгробии Козловской Л. Т. (сестры заслуженного деятеля науки, академика-химика М. Т. Козловского) (1971) приведены заключительные строки из 146 сонета Шекспира – «...И смерть умрет, а ты пребудешь вечно». На памятнике Андреева В. Ф. (1981) – строки из поэмы Есенина «Пугачев» – «Как же смерть / Разве мысль эта в сердце уместится?» (в оригинале – «поместится»). Еще одно стихотворение Есенина приведено на памятнике Зотова П. П. (1984) – «Теперь решено без возврата / Я покинул родные поля / Пусть отныне листвою крылатой / Надо мною шумят тополя». Эпитафией Аристовой С. Т. (1965) является фрагмент стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных» – «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть», Баяеву М. А. (1985) – перефразированные строки Симонова («Смерть друга») – «Нет, отец не умирает / Он рядом быть перестает» (в оригинале – «Неправда, друг не умирает,

Лишь рядом быть перестает»). На семейном захоронении профессора-дерматовенеролога, заслуженного деятеля науки Поплавского С. А. сохранилась двухчастная эпитафия его дочери (1941). Вторая часть представляет собой перефразированное стихотворение Надсона «Не говорите мне «он умер»...», написанное, как считается, под впечатлением стихов А. Н. Апухтина «Будущему читателю» [30: 528] – «Не говорите нам: ее уж нет, она живет / Пусть жертвенник разбит, огонь еще пылает / Пусть роза сорвана – она еще цветет / Пусть арфа сломана – аккорд еще рыдает». Строки Лермонтова из поэмы «Измаил-Бей» найдены на памятнике Ниязовой Ф. В. (1952) – «Не сгладит время твой глубокий след / Все в мире есть, забвенья только нет» (в оригинале – «их глубокий след»).

Интересный пример функционирования категории

интертекстуальности в «литературной» эпитафии в раскрытии ее смыслового потенциала и выявлении экстралингвистических связей представляет надпись Конаревой-Платоновой В. Д. (1961). Приведем текст полностью: «Прохожий, ты идешь / Но ляжешь, так, как я / Присядь и отдохни / На камне у меня / Сорви былиночку, подумай о судьбе / Я – дома, ты – в гостях / Подумай о себе / от мамы и мужа». Т. С. Царькова, упоминая о вариациях этой эпитафии на кладбищах Санкт-Петербурга, Новосибирска, Даугавпилса, Киева и Риги [5: 118], указывает на авторство Павла Ивановича Сумарокова, опубликовавшего в 1802 г. «Эпитафию самому себе» (Павел Сумароков предложил этот текст для публикации в журнале своего родственника, издателя московского «Журнала приятного, любопытного и забавного чтения» Панкратия Платоновича Сумарокова) – «Прохожий! Ты идешь, но ляжешь так как я / Пстой и отдохни на камне у меня / Взгляни, что сделалось со тварью горделивой / Где делся человек? – И прах порос крапивою / Сорви ж былиночку, вспомни о судьбе / Я дома, ты в гостях. – Подумай о себе». Однако Д. Н. Бантыш-Каменский в своем «Словаре достопамятных людей русской земли» называет автором этой же надписи князя Гавриила Петровича Гагарина (ум. в 1807 г.) (последние строки: Сорви ж былиночку и вспомни обо мне! / Я дома, ты в гостях – подумай о себе!») [31: 135]. Хотя тексты похожи, между ними есть существенная различающая их деталь: воззвание к путнику «вспомни о судьбе» в первом варианте и просьба «вспомни обо мне» – во втором.

На многих кладбищах, как было показано исследователями, встречаются эпитафии, в которых в многочисленных вариациях приводится текст Сумарокова – князя Гагарина. Чаще встречается вариант без двух центральных строк (как в надписи В. Д. Конаревой-Платоновой). При выяснении семантики текста и культурной традиции, в которой он сформировался, важно понимание роли «путника» в развитии жанра эпитафии. Образ человека, «проходящего мимо», «странствующего»,

осуществляющего связь между миром живых и мертвых, а фактически – читающего и воспринимающего обращенные к нему строки, является ключевым символом и признаком жанра. Обращения «путник», «прохожий», «странник» нередко встречаются в стихотворных и прозаических надписях, поскольку люди Нового времени сталкивались с местами захоронений гораздо чаще, чем современные. Практика чтения эпитафий совпадала с прогулками на кладбищах, которые часто служили заменой не существовавших тогда еще общественных парков [32: 12]. Надгробные надписи не являлись чем-то неординарным в обыденной жизни и зачастую адресовались именно прохожим. Следует учесть, что коммуникация осуществлялась «в обоих направлениях»: от мира живых к миру усопших с целью спасения их душ и от мертвых к живым в виде назидания. В немалой степени смысл и существование надписи были невозможны без того, кто мог бы их прочесть, отсюда – опосредующая функция читающего, его участие в коммуникативном процессе. Коммуникативная составляющая – ключевой момент в истории эпитафии, не менее важный, чем другие факторы ее эволюции – персонификация или введение в текст упоминания семьи усопшего. Другое значение путника – чисто психологического свойства: прохожие – те, кто ходят по земле, в отличие от тех, кто в земле лежат, иначе – живые, в противоположность мертвым. В этом смысле место захоронения – весьма важный пункт на пути странника: он не случайно «проходит мимо». Каждый человек рано или поздно сталкивается с местом захоронения ближнего. А если это покажется ему случайным, эпитафия «раскрывает» сентенцию: земная жизнь не бесконечна и человека ждет «путь» за пределы, разделяющие живых и мертвых. Понятным становится предложение «присесть на камне»: прохожий находится в пути длиною в жизнь и само приглашение отдохнуть дает понять, чем этот путь завершится. Проясняется и происхождение «прохожего». Латинское *viator*, означающее «путник», «странник», – один из шаблонных компонентов эпитафии, так же,

как и просьба остановиться: *hic iacet* (здесь погребен), *qui legis* (ты, кто читаешь), *siste gradum* (остановись) [25: 404].

История данной эпитафии оказывается гораздо глубже и восходит к XII в. Дядя П. И. Сумарокова – поэт, писатель и драматург, один из крупнейших представителей русской литературы XVIII в., Александр Петрович Сумароков в 1755 г. опубликовал двустишие, озаглавленное «Эпитафия»: «Прохожий! Обща всем живущим часть моя / Что ты, и я то был, ты будешь то, что я». Данное изречение оказывается тождественным эпитафии придворного врача короля Людовика VI, относящейся к XII в., найденной в монастыре Сен-Виктор в Париже («Что ты теперь – тем мы были. Что мы есть – тем ты станешь»), ставшей одним из самых банальных изречений кладбищенской эпиграфики. В комментариях исследователей стихотворение А. П. Сумарокова расценивается как «перевод средневековой латинской надгробной надписи, широко популярной и включавшейся в элементарные учебники латинского языка» [33: 544]. Этот пример не исключает и того, что переводом одной из латинских надписей является и стихотворение Сумарокова – князя Гагарина.

При рассмотрении эпитафии В. Д. Конаревой-Платоновой выявляются и другие, экстралингвистические связи. В северной части исторического некрополя находится захоронение Татьяны Несторовны Сумароковой (2008) – потомка дворянского рода Сумароковых, теннисистки, доктора химических наук, профессора. Более 50 лет жизни Татьяна Несторовна посвятила казахстанской науке. На ее памятнике всего одно слово – «Fuius...», означающее «Мы были», латинское крылатое выражение, впервые встречающееся в поэме Вергилия «Энеида», и употребляющееся при упоминании о чём-то безвозвратно ушедшем [34]. Смысл этой эпитафии распространяется и на находящееся рядом захоронение мужа Т. Н. Сумароковой – ученого с мировым именем, заслуженного деятеля науки, академика Михаила Ильича Усановича (1981). Так, знакомство с некрополем и эпитафиями может быть отправной точкой дальнейшего

поиска интертекстуальных и экстралингвистических связей с выходом как в собственно эпиграфическую, так и краеведческую тематику.

Таким образом, можно сделать выводы о не изученности рассмотренного эпиграфического материала в связи с историческими и социальными факторами повседневной жизни в 1930-1990 гг., количественном преобладании и разнообразии «прокламативных» эпитафий (выделенных на основании применения «функциональной» классификации надписей) с выраженной адресатной и адресантной вариативностью, многослойности текстов эпитафий, являющихся фрагментами известных литературных произведений. Эпитафии советского периода представляют собой ценный, но неразработанный ресурс региональной истории. Перспективами дальнейших работ в данном направлении являются исследования когнитивных категорий текстов эпитафий и их интерпретация с учетом исторического контекста. Большой интерес представляют эпитафии на казахском языке, сопоставление которых с русскоязычными дает богатый материал для изучения трансформации общественного сознания в условиях социально-политической модернизации советского общества и выявляет их высокую источниковую и документальную ценность для некрополистики и региональной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ревякина Н. П. Семиотические аспекты танатологического дискурса эпитафии. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 124-126. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3 (дата обращения: 20.01.2024).
2. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. К характеристике современной эпитафии в социокультурном аспекте // Жанры речи. Саратов: Издательский центр «Наука». Вып. 5, 2007. С. 232-247.
3. Монгуш А. А. Томские эпитафии как памятники культурного наследия // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 107-109.
4. Брагинская Н. В. Эпитафия как письменный фольклор // Текст: Семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 119-139.
5. Царькова Т. С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1999. 198 с.
6. Овчухова Ю. О. Эпитафия как малая поэтическая форма // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2014. Том 4. № 5. 457 с.

7. Николаев С. И. Проблемы изучения малых стихотворных жанров (эпитафия) // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 44-55.
8. Арутюнян Э. Б. О генезисе полиадресованности в текстах эпитафий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия «Языкознание». СПб., 2008. № 85. С. 142-149.
9. Ложкова А. В. Литературная эпитафия: проблема жанровой специфики // Уральский филологический вестник. 2018. №4. Русская классика: динамика художественных систем. С. 56-64.
10. Акименко Н. А. Эпитафия как жанр в русской разговорной речи в социолингвистическом аспекте (на примере Калмыкии) // Вестник Калмыцкого Университета. 2014. № 3(23). С. 62-70.
11. Аккубеков Р. Ю. Древнетюркские традиции в мусульманских эпитафиях Башкортостана (на примере намогильных памятников с. Саиткулово Кугарчинского района Республики Башкортостан) // Проблемы востоковедения. 2015. №3(69). С. 47-51.
12. Гарипов Н. Мусульманский некрополь Казани: описание и проблема сохранения // Мусульманский мир. 2016. №4. С. 104-111.
13. Закарияев З. Ш. Мавзолей и памятники старинного кладбища в селении Аглоби (типология, эпиграфика, декор) // История, археология и этнография Кавказа. 2021. №1. Т. 17. С. 8-42.
14. Закарияев З. Ш. Новые находки арабских эпитафий Дербента (XVI-XVIII вв.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 1. С. 16-24.
15. Абдульвапов Н. Р., Сейтумеров Ш. С. Крымскотатарские эпиграфические памятники периода Крымского ханства // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. Серия «Литературоведение». 2021. № 12. С. 23-30.
16. Гизиева К. Ю. Городской погребальный обряд второй половины XIX - начала XX века (на примере Омска) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 47-50. URL: www.gramota.net/editions/3.html (дата обращения: 04.02.2024) .
17. Декрет Совета Народных Комиссаров. О кладбищах и похоронах. 7 декабря 2018 года. Опубликовано в № 271 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 11 декабря 1918 года // Электронная библиотека исторических документов Федерального историко-документального просветительского портала. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348829-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-kladbishah-i-pohoronah-7-dekabrya-1918-goda> (дата обращения: 10.01.2024) .
18. Государственный архив Алматинской области (ГААО). Ф. 79. Оп. 1. Д. 96. Л. 82.
19. ГААО. Ф. 489. Оп. 1. Д. 8. Л. 100.
20. Государственный архив города Алматы (ГАА). Ф. 174. Оп. 11. Д. 50. Л. 115.
21. Афонин Г. А. Историко-мемориальный некрополь в системе практического краеведения (на примере Центрального кладбища Алма-Аты) // «Краеведение: прошлое, настоящее, будущее»: материалы Всероссийской научной конференции (Курск, 1 – 2 марта 2023 г.) / Курский государственный медицинский университет, кафедра философии; сост. М.А. Силенок, отв. ред. Е.С. Кравцова. Курск : КГМУ, 2023 С. 98-137.
22. ГАА. Ф. 76. Оп. 7. Д. 23. Л. 3-4.
23. Авдеев А. Г. Эпитафия как объект чтения в Московской Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epitafiya-kak-obekt-chteniya-v-moskovskoy-rusi> (дата обращения: 15.02.2024).

24. Афонин Г. А. История развития и основные характерологические черты казахстанской мемориальной скульптуры // «Месмахеровские чтения-2022»: материалы международной научно-практической конференции, сб. научн. статей, г. Санкт-Петербург, 21-22 марта 2022 г. СПб, СПГХПА им. Л. А.Штигица, 2022. С. 210-223.
25. Горностаева Н. А. Эволюция эпитафий в лингвокультуре Великобритании // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. №2(2). С. 404-406.
26. ГАА. Ф. 78. Оп. 2-т. Д. 628. Л. 6.
27. ГАА. Ф. 174. Оп. 15. Д. 479. Л. 266.
28. Абылхожин Ж. Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953-1991 гг.). Алматы: КБТУ, 2019. 468 с.
29. Арутюнян Э. Б. Интертекстуальность в эпитафических текстах (на примере английского языка) // Известия СПбГЭУ. 2011. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-v-epitaficheskikh-tekstah-na-primere-angliyskogo-vazyka-1> (дата обращения: 18.12.2023) .
30. Полное собрание сочинений С. Я. Надсона / Под ред. М. В. Ватсон. Петроград, 1917. Т. 1-2. Т. 2. 528 с.
31. Веселова В. Эпитафия – формульный жанр // Вопросы литературы. 2006. №2. С. 133-145.
32. Шавырин В. Русская стихотворная эпитафия // Гонец. 1992. № 6. 12 с.
33. Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л.: Советский писатель, 1957. 554 с.
34. Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М., «Русский язык», 1982. 959 с.

IV Международная научная конференция

**СЛОВО. ТЕКСТ. ИСТОЧНИК:
МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

22-23 марта 2024

ВЫПУСК 4

Печатается в авторской редакции

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений,
а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности
несут авторы публикуемых материалов

Технический редактор
Переволочанская С. Н.

Подготовка макета к печати
Николаева Н. А.